

Структурно-семантическая типология
метаморфозно-орнитологического сюжета
восточнославянской сказки
(СУС 425М)

Леонид Г. Каяниди

*Смоленский государственный университет,
Смоленск, Россия; leonideas@bk.ru*

Аннотация. В российском сказковедении сложилось два подхода к сказке о жене ужа. Один (Е.А. Костюхин) отрицает принадлежность данного сюжетного типа к сказочному жанру и относит его к народной новелле. Другой (Г.И. Кабакова) делает акцент на этиологическом финале, понимая его как альтернативу компенсации сказочной беды. Мы применили к анализу сказок о жене ужа структуралистский метод. В результате была создана типология сюжетного типа 425М. Нам удалось выявить его инвариантную схему, а также описать все отклонения от нее (вариации и варианты). Особенностью сюжетного инварианта 425М является усложненная инициальная часть, в которой мы предлагаем выделять блок нулевой, или мнимой, недостачи и блок недостачи подлинной. Структурно-семиотическая схема сюжета коррелирует с мотивной схемой, предложенной Г. Кабаковой, но дополняет ее акцентом на инверсии базовой семантической оппозиции своего, человеческого, и чужого, нечеловеческого, что дает возможность объяснить, почему финальное превращение становится компенсацией беды. Финальное превращение героини (и/или ее детей) в птиц и рептилий рассматривается нами как мифологическая медиация. Героиня ликвидирует недостачу действием, несимметрично противоположным действию антагониста. Им и является превращение, в результате которого формируется новая оппозиция «кукушка – уж», которая снимает прежнюю «свой – чужой». Дочь торжествует над матерью, не причиняя ей непосредственного вреда, и воссоединяется с мужем.

Ключевые слова: сказка, структура, типология, бриколаж, медиация, мифология, инвариант сюжета, ареальные особенности, кукушка, уж, ласточка, соловей

Для цитирования: Каяниди Л.Г. Структурно-семантическая типология метаморфозно-орнитологического сюжета восточнославянской сказки (СУС 425М) // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2020. Т. 3. № 1. С. 56–93. DOI: 10.28995/2658-5294-2020-3-1-56-93

Structural and semantic typology of the metamorphic ornithological plot of an East Slavic tale (SUS 425M)

Leonid G. Kayanidi

Smolensk State University, Smolensk, Russia; leonideas@bk.ru

Abstract. In Russian research on fairy tales, there are two approaches to the tale of the wife of the water snake. One approach (that of E.A. Kostyukhin) denies that such plot type belongs to the fairy-tale genre and relates it to the folk novella. Another one (that of G.I. Kabakova) focuses on the etiologic finale, perceiving it as an alternative to compensating the fairy tale shortcoming. The author applied the structuralist method in the analysing of fairy tales about wife of a water snake. As a result, a typology of the plot type 425M was created. He managed to identify its invariant scheme, as well as describe all digressions from it (variations and variants). Characteristic of the 425M plot invariant is the complicated initial part, in which the author suggests to single out a block of zero, or imaginary, shortcoming, and a block of true, actual shortcoming. The structural-semiotic plot scheme correlates with the motivational scheme proposed by G. Kabakova, but enhances it with an emphasis in inversion of the basic semantic opposition of its own, human and alien, non-human, which makes it possible to explain why the final transformation becomes the compensation for the shortcoming. The final transformation of the heroine (and / or her children) into birds and reptiles is considered to be an example of mythological mediation. The heroine eliminates the shortcoming with an action asymmetrically opposite to the action of the antagonist action, namely, with the transformation, due to which a new opposition “cuckoo – water snake” is formed, which removes the former – “insider – outsider”. The daughter triumphs over her mother without causing the latter direct harm, and is reunited with her husband.

Keywords: fairy tale, structure, typology, bricolage, mediation, mythology, plot invariant, areal features, cuckoo, water snake, swallow, nightingale

For citation: Kayanidi, L.G. (2020), “Structural and semantic typology of the metamorphic ornithological plot of an East Slavic tale (SUS 425M)”, *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 3, no. 1, pp. 56–93. DOI: 10.28995/2658-5294-2020-3-1-56-93

Тайна «Жены ужа»

Сказки, относящиеся к типу 425М, считаются одними из самых интригующих в народном арсенале, потому что, по словам Г.И. Кабаковой, «il semble bouleverser le schéma narratif d'un conte merveilleux classique»¹ [Кабакова 2007]². Нарушение сказочного нарратива выражается главным образом в неблагоприятной концовке: вредитель (как правило, теща, убившая зятя) не наказывается, муж героини погибает, а она сама лишается человеческого облика.

В фольклористике сложилось два основных подхода к объяснению структурно-семантического своеобразия сказок о жене ужа. Первый принадлежит Е.А. Костюхину, второй – Г.И. Кабаковой. В двух своих работах, разделенных десятилетним интервалом, Костюхин предлагает различные интерпретации специфики сказки о жене ужа, впрочем, у обеих интерпретаций есть общий знаменатель. Так, в книге «Типы и формы животного эпоса» исследователь рассматривает сюжетный тип 425М как результат развития мифов-быличек о контактах человека и животного. «Анализ сюжета о девушке – невесте ужа показывает, что он либо развивается в духе бывальщины, либо сближается с волшебной сказкой, не превращаясь в нее, так как союз девушки со змеем имеет печальную развязку» [Костюхин 1987, с. 51]. Итак, трагическая концовка сказок о жене ужа объясняется их мифологическим генезисом и связью с животным эпосом. В статье «Сказки, которые плохо кончаются» Костюхин предлагает несколько иную интерпретацию специфики 425М: неблагоприятный конец данного сюжетного типа объясняется трансформацией его жанровой природы вследствие влияния балладного жанра: «Трагический финал придает этим сказкам отчетливо балладное звучание: ведь именно в балладе девушки или молодые женщины легко становятся жертвами, причем мотивировки даже не обязательны. Собственно, это уже и не волшебные сказки, хотя чудесное в них и присутствует, – это прозаические баллады, новеллы, где в центре повествования находится роковой случай» [Костюхин 1997, с. 16]. Как видим, с течением времени объяснение Костюхиным своеобразия сказок о жене ужа дрейфует от установления определяющего влияния мифов-были-

¹ «...кажется, что они переворачивают с ног на голову повествовательную схему классической волшебной сказки» (здесь и далее перевод наш. – Л. К.).

² Статья Г.И. Кабаковой цитируется по публикации на ресурсе «Проект Растко: Словенска этнолингвистика» (<http://www.rastko.rs/projekti/etnoling/delo/12028>).

чек к признанию балладного, народно-новеллистического характера данного фольклорного нарратива. Одно остается неизменным: жанровая природа сказок о жене ужа гетерогенная, и стоит ли удивляться, что их финал неблагоприятен, т. е. отступает от сказочного канона³?

Кабакова посвящает сказкам типа 425М обширную статью «Le mari-serpent ou Pourquoi le coucou coucoule» («Муж-змея, или Почему кукует кукушка»). В ней рассматриваются все значимые аспекты сказок о жене ужа: мотивная и актантная структура, ареальные черты, особенности семейно-сказочного конфликта, этиологическая развязка, связь с календарной мифологией.

Кабакова устанавливает мотивную схему данного сюжетного типа: «apparition du serpent sur les vêtements de la fille – accord de mariage arraché – mariage – vie maritale chez le serpent et naissance de deux enfants – visite à la famille de la femme – interrogatoire de la femme et des enfants – secret dévoilé – assassinat du serpent – transformation»⁴ [Kabakova 2007]. Эта схема принимается за инвариант сюжета, и анализ 36 записей сказок о жене ужа, которые привлекает Кабакова, строится на сравнении множества вариантов с этим инвариантом.

Кабакова считает, что самое интересное и интригующее в сказке о жене ужа – ее этиологическая развязка. Вслед за Костюхиным она тоже отмечает влияние балладного жанра на финальное сказочное событие – жестокое убийство мужа тещей, продиктованное почти иррациональной ненавистью к нему, но, в отличие от Костюхина, Кабакова не отрицает сказочно-жанрового характера данного сюжетного типа. Напротив, финальную метаморфозу героини в кукушку Кабакова совершенно верно считает альтернативным вариантом традиционного счастливого финала волшебной сказки. Возможность такой трактовки она усматривает в инверсии категорий своего и чужого, которой отмечается семейный конфликт в рамках данного сюжетного типа: «Le problème du conte slave “Le mari-serpent” consiste en ce que l’héroïne du conte est la jeune femme et son époux merveilleux est un vrai mari : cette union est consacrée par la naissance de la progéniture. Ce n’est plus la logique des parents qui savent ce qui est bien pour leur fille qui prévaut, mais la logique de la

³ Открытость сюжетного типа 425М для иножанровых влияний В.Е. Добровольская склонна объяснять тем, что он занимает периферийное положение в корпусе восточнославянских сказочных сюжетов.

⁴ «появление змея на одежде девушки – насильственно исторгнутое согласие выйти замуж – женитьба – замужняя жизнь у змея и рождение двух детей – визит к семье девушки – допрос жены змея или ее детей – обнаружение секрета – убийство змея – превращение».

nouvelle famille entrant en conflit avec la première. <...> Nous sommes invités à épouser le point de vue de la fille heureuse dans son mariage quelque peu original et la métamorphose posthume apparaît alors comme une alternative possible à la fin heureuse du conte merveilleux»⁵ [Kabakova 2007].

Первоначально категория своего связана с матерью и человеческим миром, затем героиня отчуждается от матери и человеческого и своим для нее становится нечеловеческое, связанное с мужем-ужом. Другими словами, орнитологическое превращение необходимо считать счастливым финалом, потому что, приняв птичий облик, героиня как бы сближается с нечеловеческой природой мужа. Не оспаривая того, что оппозиция своего и чужого в сказке налицо, уместно все-таки отметить, что героиня превращается не в змею, а в птицу и, самое главное, ее превращение никак не сказывается на антагонисте, который становится причиной гибели ее мужа.

При всей тонкости анализа, которому необходимо отдать должное, Галине Кабаковой не удастся объяснить, почему финальное превращение героини является аналогом компенсации сказочной беды. Кабакова ограничивается лишь констатацией этого факта, от которого, собственно, и зависит решение проблемы жанровой принадлежности данного сказочного типа к волшебной сказке или к народной балладе.

Метод и материал

Мы применили к анализу сюжетного типа 425М структурно-семиотическую методику, представленную в работе «Проблемы структурного описания волшебной сказки» [Мелетинский, Неклюдов, Новик, Сегал 1969], впервые опубликованной в легендарных тартуских «Трудах по знаковым системам» в 1969 г., а затем вошедшей в книгу «Структура волшебной сказки» [2001]⁶.

⁵ «Проблема славянской сказки «Муж-змея» состоит в том, что ее героиня – молодая женщина, а ее волшебный супруг – ее подлинный муж, причем их союз освящен рождением потомства. <...> Здесь превалирует не логика родителей, которые знают, что является благом для их дочери, но логика новой семьи, которая входит в противоречие с родительской. Мы призваны принять точку зрения счастливой в своем несколько оригинальном браке девушки, и ее финальная метаморфоза, стало быть, становится как бы альтернативой счастливого финала волшебной сказки».

⁶ Первый подход к объяснению структурных особенностей сказки о жене ужа и ее трансформационного финала был сделан нами ранее [Каяниди 2017]. В данной работе он значительно пересмотрен и дополнен.

Применение данной методики позволило решить три задачи: 1) более глубоко и всесторонне проанализировать структуру данного сказочного типа в единстве с его семантикой, что невозможно только в рамках чистого мотивного анализа, 2) решить проблему статуса финальной метаморфозы героини в рамках сказочного нарратива и в связи с этим 3) определить жанровую природу сюжета 425М и его особенности (сказка или нет; если сказка, то какая разновидность).

В общей сложности нами было проанализировано 43 записи данного сказочного типа (13 русских, 19 белорусских, 11 украинских). Мы учитывали как записи, отраженные в СУСе, так и новые тексты, собранные В.Е. Добровольской, публикации которой значительно расширили представления о сказках о жене ужа; кроме того, мы приняли во внимание также некоторые еще не опубликованные записи. Для сравнения: Кабакова привлекает для анализа 8 русских, 18 белорусских и 10 украинских записей. Стало быть, наша выборка, не претендуя на исчерпывающую полноту, может считаться вполне репрезентативной: она представляет разные области восточнославянского ареала в широком диахроническом срезе, с конца XIX до начала XXI в.

Известно, что сказка о жене ужа «является восточнославянско-балтийским сюжетом. Хотя тема мужа-змея возникает и в других частях света, только в балтийско-славянском ареале муж-змей выступает как положительный персонаж, несправедливо убиваемый родственниками супруги»⁷. В нашей работе мы ограничиваемся восточнославянскими вариантами, оставляя в стороне многочисленные балтийские (и отмеченные балтийским влиянием) варианты сказки «Эгле – королева змей», систематизированные и описанные Леонардасом Саука⁸. Главной отличительной особенностью славянских сюжетов становится орнитологический характер финальной метаморфозы, тогда как в балтийском ареале героиня и ее дети превращаются в деревья. Г.И. Кабакова считает «собственно славянскими» только сказки о жене ужа с орнитологическим превращением, дендрологическая метаморфоза маркирует либо литовско-латышские тексты, либо тексты белорусско-польско-литовского пограничья [Кабакова 2018, р. 164]. Еще одной отличительной чертой сказок об Эгле, королеве змей, позволительно считать тенденцию к счастливому финалу, которая реализуется четырьмя способами: стяжение повествования

⁷ У истоков мира: Русские этиологические сказки и легенды / Сост. О.В. Белова, Г.И. Кабакова. М.: ИСл РАН; Форум; Неолит, 2014. С. 391.

⁸ Pasaka "Eglė žalčių karalienė", 1–4 / Ed. by Leonardas Sauka. Vilnius: LLTI, 2007–2008.

к двум эпизодам – похищению девушки и свадьбе; изъятие эпизода убийства мужа-змея; введение мотива сжигания сброшенной кожи ужа; бегство невесты змея во время свадьбы или после нее [Sauka 2007]. В восточнославянской сказке о жене ужа трагическая концовка является непреложной и не подвергается размыванию или снятию.

Структурно-семантическую типологию сказок о жене ужа необходимо строить, выделяя инвариантную функционально-семантическую схему сюжета и устанавливая ее вариации и варианты. Вариацией будем называть такие типы, где наблюдается то или иное отклонение от инвариантной схемы при сохранении ее базовых элементов, а вариантами – такие, в которых инвариантная схема претерпевает значительные изменения, но сохраняется структурно-содержательная общность единого сказочного типа. Базовым элементом, устоем сказок о жене ужа необходимо считать финальное зооантропоморфное превращение. Оно скрепляет в единое целое как вариации, так и варианты.

Инвариантная схема сюжета 425 М

С незначительными разночтениями она является общей для 35 из 43 текстов.

В «чистом» виде инвариант представлен в данных текстах⁹.

⁹ *Смирнов Ю.И.* Эпика Полесья (по записям 1975 г.) // Славянский и балканский фольклор: Обряд. Текст. М.: Наука, 1981. С. 254; *Смирнов Ю.И.* Эпика Полесья (по записям 1976 г.) // Славянский и балканский фольклор: Этногенетическая общность и типологические параллели. М.: Наука, 1984. С. 208; *Смирнов Ю.И.* Эпика Полесья // Славянский и балканский фольклор: Генезис. Архаика. Традиции. М.: Наука, 1978. С. 250–252; *Эварницкий Д.И.* По следам запорожцев. СПб.: Типо-лит. и фото П.И. Бабкина, 1898. С. 109; *Легенды и предания / Сост. А.Л. Иоаниди.* Киев: Наукова думка, 1985. С. 81, 82; *Сказки Терского берега Белого моря / Сост. Д.М. Балашов.* Л.: Наука, 1970. С. 137–139; *Великорусские сказки Вятской губернии / Сост. Д.К. Зеленин.* Петроград: Тип. А.В. Орлова, 1915. С. 333–334; *Сказки и предания Северного края / Сост. И.В. Карнаухова.* М.: ОГИ, 2009. С. 170; *Народные русские сказки и загадки, собранные сельскими учителями Тульской губ. в 1862 и 1863 гг. / Сост. А.А. Эрленвейн.* М.: Типография «Русских ведомостей», 1882. С. 169; *Добровольская В.Е.* В дополнение к указателю сказочных сюжетов: новые записи сказки «Жена ужа» (СУС 425М) // *Живая старина.* 2017. № 1. С. 5–6; *Каяниди Л.Г.* Сказки типа 425М «Жена ужа» из Смоленской и Брестской областей // *Живая старина.* 2019. № 2. С. 35–36.

Таблица 1

Инвариантная функционально-семантическая схема сказочного типа 425М
«Жена ужа»

$-E^0$	$-L^0$	$-E$	$-L$	$E L$
<p>Нечеловеческое повчеловеческое Уж заползает на одежду героини, пока она купается в реке $\{-\alpha, \beta, \mu = \text{caus} \rightarrow \text{oper} \rightarrow \text{min}\} = \{\alpha, \beta, \mu = \text{caus} \rightarrow \text{oper} \rightarrow \text{plus}\}$ Уж соглашается слезть с одежды девушки только в обмен на обещание выйти за него замуж</p>	<p>Нечеловеческое повчеловеческое Уж является в дом девушки Человеческое повчеловеческое = Нечеловеческое домчеловеческое Девушку уводят в хтонический мир – место обитания ужа</p>	<p>Нечеловеческое повчеловеческое Героиня возвращается домой, в большинстве случаев с детьми ужа Свое, родное transчужое, неродное Мать, или отец, или братья задумывают убить мужа героини $-\alpha, \beta, \mu$ У героини или ее детей выведывается информация, необходимая для убийства ужа W Убийство ужа</p>	<p>Чужое (человеческое, мать, отец, братья) дом свое (нечеловеческое, муж-уж) Убийство ужа</p>	<p>Человеческое transнечеловеческое Героиня превращается в кукушку (чаще всего), а дети – в других хтонических животных или птиц</p>

Что является начальной бедой в данной сказке, т. е. содержанием блока ($-E - L$)? Можно ли считать похищение девушки ужом в подводный мир бедой, которая ликвидируется финальным событием сказочного нарратива? На первый взгляд да. События происходят в начале сказочного текста; налицо и вредительство (кража девушки), и недостача (исчезновение дочери у родителей). Однако можно ли их считать подлинными, т. е. такими, которые ликвидируются в концовке? Пожалуй, нет: героиня не остается в родительском доме, относится к матери (или другим родственникам, убившим ее мужа) как к предателям и, более того, превращается вместе с детьми в птиц или рептилий, что закрепляет связь героини с животным, нечеловеческим миром.

Как же тогда трактовать это вторжение хтонического существа в человеческий мир и увод девушки в хтоническое пространство? Очевидно, что это вредительство. Однако оно имеет свою специфику. Во-первых, оно не уравнивается финальным событием сказочного повествования: орнитологическое превращение героини нельзя считать компенсацией за ее похищение. Это похищение становится своего рода начальной ситуацией, создающей условия для проявления вредителя, которым является, как правило, мать героини, теща: она убивает зятя за то, что он лишил ее дочери. Во-вторых, это вредительство очевидным образом носит мнимый характер: героиня как будто терпит урон (ее похищают и увлекают в подводный мир), но на самом деле она обретает мужа, с которым ей живется лучше, чем в родительском доме, поэтому она и жаждет вернуться к нему.

В связи с этим мы взяли на себя смелость ввести новые обозначения в синтагматическую схему сказки, которые не используются коллективом Мелетинского, но находятся вполне в логике его теории: ($-E^0 - L^0$) – нулевая недостача.

Сначала происходит вторжение ужа, существа из хтонического мира, в мир людей (**нечеловеческое пов человеческое**). Как правило, оно совершается путем проникновения ужа в платье девушки, когда она купается в реке или озере.

Уж слезает с платья девушки только в обмен на ее обещание выйти за него замуж. Это действие необходимо оценивать не только ситуативно, но и исходя из общего контекста всей сказки. Ситуативно это подвох и пособничество ($-\alpha_1 \beta_1^m$). На побуждение к действию героиня отвечает положительно и терпит урон, так как должна покинуть родительский дом и отправиться в подводный мир (**caus** → **oper** → **min**). Однако в контексте всего сюжета это не подвох и пособничество, а предписание и его исполнение ($\alpha_1 \beta_1^m$). На побуждение к действию героиня отвечает положитель-

но и обретает мужа (**caus** → **oper** → **plus**), с которым ей живется лучше, чем в родительском доме. Таким образом, это мнимые подвох и пособничество, а в действительности – предписание и исполнение. Совмещенность в описываемом событии двух пар функций выражается формулой $\{-\alpha_1\beta_1^m = \text{caus} \rightarrow \text{oper} \rightarrow \text{min}\} = \{\alpha_1\beta_1^m = \text{caus} \rightarrow \text{oper} \rightarrow \text{plus}\}$. Затем уж является в дом девушки либо в змеином, либо в человеческом обличье (**нечеловеческое пов человеческое**). Недостача ($-L^0$) выражается предикатом доминирования нечеловеческого над человеческим (**нечеловеческое dom человеческое**): девушка вступает в брак с ужом, чаще всего насильственно, но в ряде текстов и добровольно. Логическим следствием этого брака является перемещение в хтоническое пространство, чаще всего подводный мир (**человеческое пов нечеловеческое**).

Сказочной бедой, т. е. содержанием блока ($-E - L$), становится убийство мужа-ужа (**W**). Ему предшествует возвращение героини, через рождение детей сроднившейся с нечеловеческим миром, в мир людей (**нечеловеческое пов человеческое**). Затем становится ясно, что родительская семья враждебна к ней. Это выражается предикатом трансформации: **свое, родное trans чужое, неродное**. Затем подлинный вредитель (мать героини, ее отец, братья или сестры) выведывает у героини (или ее детей), как вызвать из подводного мира ее мужа ($-\alpha_1\beta_1^i$). Недостачей ($-L$) становится доминирование чужого, т. е. человеческого (мать, отец, братья, сестры), над своим, т. е. нечеловеческим, мужем-ужом.

Последней особенностью инвариантной функционально-семантической схемы сказочного типа 425M является лапидарность блока основного испытания, которая выражается в совмещенности действий, ведущих к ликвидации беды, с их результатом. На схеме мы обозначаем этот момент объединением колонок E и L. Содержанием основного испытания и одновременно ликвидацией исходной беды становится зооантропоморфное превращение героини и ее детей. О том, почему это событие следует считать компенсацией убийства мужа-ужа, будет сказано в конце статьи.

Мотивная структура типа 425M, предложенная Галиной Кабаковой, в сущности, совпадает с инвариантной схемой сюжета, выделенной нами в результате применения структурно-семиотического метода.

Таблица 2

Сравнительная характеристика мотивной схемы сюжета 425М и его функционально-семантической схемы

Мотивная схема	Функционально-семантическая схема
Появление змея на одежде девушки	Нечеловеческое тов человеческое
Насильственно исторгнутое согласие выйти замуж	$\{-\alpha1\beta1m = \text{caus} \rightarrow \text{oper} \rightarrow \text{min}\} =$ $\{\alpha1\beta1m = \text{caus} \rightarrow \text{oper} \rightarrow \text{plus}\}$
Женитьба	Нечеловеческое тов человеческое + Человеческое тов нечеловеческое
Замужняя жизнь у змея и рождение двух детей	Нечеловеческое dom человеческое
Визит к семье девушки	Нечеловеческое тов человеческое
Допрос жены змея или ее детей, обнаружение секрета	$-\alpha1\beta1i$
Убийство змея	W, Чужое (человеческое, мать, отец, братья) dom свое (нечеловеческое, муж-уж)
Превращение	Человеческое trans нечеловеческое

Однако структурно-семиотический анализ позволяет не только установить стандартную последовательность повторяющихся сюжетно значимых действий в сказке, но и соотнести их с крупными синтагматическими повествовательными единствами – структурными блоками, что в данном случае помогает разобраться со спецификой сказочной беды и компенсации, характерной для типа 425М и составляющей его своеобразия. Важно отметить, что при мотивном анализе не учитывается инверсия базовой семантической оппозиции данного сюжетного типа: свое, человеческое (мать, отец, братья, дети) становится чужим, а чужое, нечеловеческое (муж-уж) – своим. Фиксация этой семантической метаморфозы становится залогом объяснения, почему финальное превращение выполняет функцию компенсации сказочной беды.

Структурно-семиотический анализ также помогает выделить значимые отклонения от инвариантной схемы, описать их и соотнести с ареальной спецификой.

Какие части ареала Восточной Славии в наибольшей степени привержены сюжетному инварианту сказочного типа 425М, а какие характеризуются отступлением от него? Судя по проанализированным материалам, на территории России и Белоруссии

действует консервативная тенденция к сохранению сюжетного инварианта, поскольку на их территории выделяется только четыре варианта (из 19 белорусских текстов – три, а из 13 русских – только один), а на украинской территории наблюдается отчетливое стремление к трансформации этого инварианта (об этом свидетельствует тот факт, что из 10 текстов четыре представляют собой варианты сказочного типа 425М).

Общим для всех вариаций сказочного типа «Жена ужа» является сохранение сюжетно-синтагматической последовательности бинарных блоков, характерной для инварианта сюжета: – E^0 – L^0 – E – $L E L$. Эта синтагматическая структура как бы единым куполом покрывает все вариации, обеспечивая их тождество в различии.

Вариации сюжета 425М

Обзор вариаций сюжета 425М целесообразно разделить по сюжетно-синтагматическим блокам.

Вариации блока нулевой недостачи (– E^0 – L^0). В белорусской «Легенде о муже-уже» [Гура, Терновская, Толстая 1983, с. 151] дополнением к мнимому подвоху – пособничеству становится предикат трансформации человеческого в нечеловеческое (**человеческое trans нечеловеческое**): призывая девушку выйти за него замуж, змей сообщает ей, что он на самом деле человек, который превратился в ужа в результате проклятия. В белорусской сказке «Муж-уж»¹⁰ этот же предикат помещается после того, как произошло доминирование нечеловеческого над человеческим, выраженное вступлением героини в брак с ужом в его хтоническом мире. Здесь оказывается, что ужу, который, попав в подземный мир, стал человеком, нельзя всегда им оставаться, потому что он был проклят своей мачехой.

В украинской сказке «Почему кукушка одна?»¹¹ предикат трансформации сопровождает сватовство к героине ужа в облике бедного красивого парня. О герое сообщается, что он был проклят своей матерью и осужден по ночам принимать змеиное обличье и жить в болоте.

В белорусской сказке «Муж-уж»¹² содержится еще одна вариация. Она выражается предикатом трансформации нечеловеческо-

¹⁰ Смирнов Ю.И. Эпика Полесья (по записям 1975 г.). 1981. С. 253–254.

¹¹ Брэхенькі всякіе: хорошыя і чудныя. Публікацыя І.А. Кузнецова // Жывая старіна. 2002. № 1. С. 45.

¹² Смирнов Ю.И. Эпика Полесья (по записям 1975 г.). С. 253.

го в человеческое (**нечеловеческое trans человеческое**): подведя героиню к своей норе, уж принимает человеческий облик и в таком виде переходит в иной мир. Тот же предикат содержится в белорусской сказке «Муж-уж»¹³. В другой белорусской сказке «Муж-уж»¹⁴ оборотничество ужа совершается уже не на границе между человеческим и хтоническим мирами, а в подземном мире, накануне брака змея с героиней. То же – в русской сказке «Про ужака»¹⁵. В кубанской сказке «Муж-уж»¹⁶ герой только днем сохраняет змеиное обличье, а ночью принимает человеческое.

В могилевской сказке из архива лаборатории фольклористики РГГУ [АЛФ РГГУ Сюжет 425М] превращение ужа в человека предшествует его сватовству и делает естественным его брак с героиней. Во втором варианте записи [АЛФ РГГУ Сюжет 425М] в той же местности и от того же исполнителя оборотничество героя объясняется тем, что он был проклят отцом и превращен в змея (**человеческое trans нечеловеческое**) (подобный тандем двух зеркальных предикатов трансформации характерен для сказки «Муж-уж»¹⁷).

В этой же сказке смена ужом змеиного облика на человеческий и человеческого на змеиный поставлена в каузально-нарративную связь. Когда героиня приходит ночью к реке, чтобы увидеть истинный облик ужа, тот скидывает кожу и предстает в виде необыкновенно прекрасного юноши (**нечеловеческое trans человеческое**). Оборотничество героя пространно объясняется: в ужа он был превращен на 15 лет своим дядей-колдуном, поскольку отказался жениться на его уродливой дочке (**человеческое trans нечеловеческое**).

В белорусской сказке «Муж-уж»¹⁸ вторжению ужа в человеческий мир предшествует предикат недостачи (– **ten**) жениха, выраженный словесной формулой «Мне б хоть бы уж, да чтоб муж». Этот же предикат в инициальной части повествования появляется еще в одной белорусской сказке «Муж-уж»¹⁹ (формула выражения: «Кабы муж был уж»).

¹³ *Смирнов Ю.И.* Эпика Полесья (по записям 1975 г.). С. 253.. С. 253–254.

¹⁴ Там же. С. 255.

¹⁵ Народные русские сказки и загадки, собранные сельскими учителями Тульской губ. в 1862 и 1863 гг. С. 169.

¹⁶ Муж-уж (кубанский вариант сказки). Публикация В.В. Запорожец // Живая старина. 2017. № 1. С. 8.

¹⁷ *Смирнов Ю.И.* Эпика Полесья (по записям 1976 г.) 1984. С. 208–209.

¹⁸ *Смирнов Ю.И.* Эпика Полесья (по записям 1975 г.). 1981. С. 253.

¹⁹ Там же. С. 254–255.

В белорусской сказке «Муж-уж»²⁰ пространственное перемещение героини в подводный мир происходит дважды (**человеческое пов нечеловеческое**): согласно инварианту сюжета, она отправляется в иной мир после сватовства ужа, чтобы стать его женой, как бы перебирается из родительского дома в дом мужа. Другое пространственное перемещение происходит раньше, оно следует за требованием ужа выйти за него замуж и предшествует его сватовству. Это как бы предварительный визит героини в подводный мир, где она созерцает его богатства и красоту и лишается страха перед замужеством со змеем.

В белорусской сказке «Муж-уж»²¹ доминирование нечеловеческого начала над человеческим, выражаемое замужеством героини с ужом, не сопровождается, как это наблюдается в инвариантной схеме сюжета, ее пространственным перемещением. После согласия девушки выйти за него замуж уж вторгается в область человеческого пространства и неотступно ползает за девушкой в течение целого года, вызывая негодование ее сестер. Чтобы его погасить, героиня и соглашается выйти за ужа.

В трех сказках (двух белорусских и одной русской) инициальным элементом сюжета становится пространственное перемещение из человеческого мира в нечеловеческий (**человеческое пов нечеловеческое**). В сказке «Муж-уж»²² больной царь посылает своих дочерей за живой водой, а в другой сказке «Муж-уж»²³ больная мать просит дочерей принести воды. В нечеловеческом мире младшая дочь встречает ужа, который требует у нее выйти за него замуж. В тверской сказке о жене ужа²⁴ героиня уходит на гулянку и не возвращается, после чего мы узнаем, что проклятый юноша (его имя Удав, что прозрачно указывает на его змеиную природу) забрал девушку себе в жены на берег реки.

В украинской сказке «Легенда о муже-уже» [Гура, Терновская, Толстая 1983, с. 150–151] сказочное повествование открывается не тем, что уж заползает на одежду героини во время ее купания (**нечеловеческое пов человеческое**), а нарушением запрета: (– а) β (героиня нарушает запрет бабушки идти купаться на речку). Это уникальная вариация в рамках сказочного типа.

²⁰ Смирнов Ю.И. Эпика Полесья (по записям 1977 г. Ч. 1) // Славянский и балканский фольклор: Духовная культура Полесья на общеславянском фоне. М.: Наука, 1986. С. 248–249.

²¹ Там же. С. 249–250.

²² Там же. С. 248.

²³ Там же. С. 249–250.

²⁴ Добровольская В.Е. Указ. соч. С. 6.

В этом же тексте содержится еще одна нигде не повторяющаяся вариация: уходя с ужом в подводный мир, героиня меняет человеческий облик на змеиный (**человеческое trans нечеловеческое**). Этот предикат необходимо отличать от превращения героя в ужа, которое иногда тоже совершается в ином мире (белорусская сказка «Муж-уж»²⁵, поскольку такое превращение происходит с разными актантами и, стало быть, меняет свой характер и статус.

Вариации блока недостачи ($-E - L$). Конstantным элементом сюжета о жене ужа является выведывание информации о том, как вызвать ужа из хтонического мира, либо о его местонахождении ($- \alpha_1 \beta_1^i$). Оно характерно в общей сложности для 30 текстов (27 с вариациями и трех вариантов). Основным видом этой пары функций является выведывание вредителем информации у героини (18 текстов с вариациями, а также два варианта), а вариационным – испытание вредителем детей героини (9 текстов с вариациями, а также один вариант), из которых один (как правило, сын) не раскрывает сведений об отце (**caus** → ($- \text{oper}$) → **plus**), а другой (как правило, дочь) раскрывает (**caus** → **oper** → **min**).

В белорусской «Легенде о муже-уже» [Гура, Терновская, Толстая 1983, с. 151] вредительству матери героини, выраженному в убийстве мужа дочери, предшествует подвох и пособничество ($- \alpha_1 \beta_1^m$): мать просит дочь-героиню остаться дома, чтобы вычесать ей вшей, тем самым усыпляя ее.

В белорусской сказке «Муж-уж»²⁶ героиня становится одним из вредителей (наряду со своими братьями), на долю которого тоже выпадает совершение подвоха: она вызывает мужа-ужа из норы, помогая тем самым братьям его убить. В целом для типа 425M характерна инверсия категорий своего, человеческого, с чужим, нечеловеческим: то, что было в инициальной части повествования чужим (уж), затем становится своим (муж). В данном тексте этой инверсии не происходит, и поэтому здесь человеческого начало (братья) в качестве своего доминирует над нечеловеческим в качестве чужого (уж), тогда как в основном массиве текстов происходит доминирование человеческого начала (мать, отец, братья) в качестве чужого героине над нечеловеческим в качестве своего (муж-уж).

В белорусской сказке «Муж-уж»²⁷ наблюдается редкий случай пространственного перемещения человеческого в нечеловеческое (**человеческое тов нечеловеческое**): братья героини после ее ухода с женихом в подземный мир отправляются на ее поиски.

²⁵ Смирнов Ю.И. Эпика Полесья (по записям 1977 г. Ч. 1). 1986. С. 255.

²⁶ Смирнов Ю.И. Эпика Полесья (по записям 1975 г.). 1981. С. 253–254.

²⁷ Там же. С. 255.

В другой белорусской сказке «Муж-уж»²⁸ встречается тот же предикат: братья героини выслеживают, как она ходит на полуночные свидания с героем-оборотнем.

В белорусской сказке «Муж-уж»²⁹ происходит превращение ужа в человека (**нечеловеческое trans человеческое**). По содержанию этот предикат тождествен тому, что мы наблюдали в $(-E^0 - L^0)$, но функциональная роль у него в данном случае меняется – в силу изменения места в сказочном нарративе: превращение ужа в человека становится здесь предпосылкой для проявления вредительской природы героини, которая сжигает скинутую змеиную кожу. После вредительства героини сообщается, что герой заколдован и должен три года пребывать в змеином обличье (рудимент **нечеловеческое trans человеческое**).

В еще одной белорусской сказке «Муж-уж»³⁰ тоже присутствует такой предикат превращения (**нечеловеческое trans человеческое**): через год после свадьбы с героиней уж превращается в прекрасного юношу. Этому превращению предшествует сообщение о том, что ранее он был проклят и превращен матерью в ужа (рудимент **человеческое trans нечеловеческое**). Превращение из ужа в человека здесь выполняет иную роль, чем в блоке нулевой недостачи: оно не создает условия для брака с героиней, а провоцирует старших сестер на зависть и ненависть к младшей, что приводит к убийству последней.

В «Легенде о муже-уже» [Гура, Терновская, Толстая 1983, с. 150–151] предикат превращения (**нечеловеческое trans человеческое**) относится к иному актанту – героине: поменяв при перемещении в подводный мир свою природу на змеиную, при возвращении в человеческий мир она вновь обретает человеческий облик.

В белорусской сказке «Муж-уж»³¹ уж просит свою жену не ездить к отцу в гости и остаться еще хотя бы на три дня, чтобы он смог снова обрести человеческий облик ($(- \alpha)\beta$). Пребывание в змеином обличье объясняется проклятием (рудимент **человеческое trans нечеловеческое**). В кубанской сказке «Муж-уж»³² запрет облачается в требование героя не раскрывать перед родными, кто он такой, т. е. его змеиную природу.

²⁸ Смирнов Ю.И. Эпика Полесья (по записям 1975 г.). С. 253. С. 208–209.

²⁹ Смирнов Ю.И. Эпика Полесья (по записям 1977 г. Ч. 1). С. 248.

³⁰ Там же. С. 249–250.

³¹ Смирнов Ю.И. Эпика Полесья (по записям 1977 г. Ч. 1). С. 248–249.

³² Муж-уж (кубанский вариант сказки). С. 8.

Вариации блока основного испытания (E L). Здесь возможно выделить только одну особенность. В ряде случаев финал сказки представляет собой симбиоз наказания антагониста (**свое (нечеловеческое, жена ужа) дом чужое (мать или отец героини, ее дети, братья)**) и зоантропоморфного превращения (**человеческое trans нечеловеческое**). Это наказание антагониста коррелирует, во-первых, с предательством отца дочерью либо обоими детьми вместе. Проклиная детей, предавших отца, жена ужа косвенным образом наказывает вредителей – мать, отца, братьев. В этом случае дети мыслятся как агенты вредителей, их дистантные орудия. Однако очевидно, что торжества над вредителями таким образом не достигается, потому что они остаются нетронутыми. Компенсация сказочной беды совершается только с помощью финального превращения детей ужа в животных. Во-вторых, наказание вредителя совмещается с зоантропоморфным превращением, если сама героиня выступает в роли вредителя³³.

В украинской «Легенде о жене ужа» [Гура, Терновская, Толстая 1983, с. 151] героиня превращает в жабу свою мать, которая убила ее мужа-ужа; в тверской сказке³⁴ в наказание за ее злодеяние героиня превращает свою мать в крапиву, которая покрывает весь дом. В этих случаях происходит компенсация героине за понесенный урон. Однако финальное превращение сохраняется, как бы демонстрируя недостаточность наказания вредителя и необходимость завершения сказочного нарратива именно сменой героиней и ее детьми человеческой природы на животную.

Очевидно, что вариативность инициальной части сюжета гораздо выше вариативности финальной части. Это подтверждает наблюдение о «конусообразности» сказочной структуры: «наибольшее же количество вариантов обнаруживается для инициальных частей сюжетной структуры – группа элементов, связанная с исходной недостаточей и предварительным испытанием» [Мелетинский, Неклюдов, Новик, Сегал 1969, с. 99], финал же сказки демонстрирует однотипность.

³³ *Смирнов Ю.И.* Эпика Полесья (по записям 1975 г.). С. 253–254; *Смирнов Ю.И.* Эпика Полесья. 1978. С. 251; Легенды и предания. С. 80; Белорусский сборник. Вып. IV. Сказки космогонические и культурные / Сост. Е.Р. Романов. Витебск: Типо-литография Г.А. Малкина, 1891. С. 166–167; Малорусские народные предания и рассказы / Сост. М. Драгоманов. Киев: Издание Юго-западного отдела Императорского Русского географического общества, 1876. С. 8–9.

³⁴ *Добровольская В.Е.* Указ. соч. С. 6.

Таблица 3

Типология вариаций сюжетного инварианта
сказочного типа 425М

Сказки / синтагматические блоки	– E ⁰ – L ⁰	– E – L	E L
1	2	3	4
<p>Белорусские</p> <p>– ten Героиня испытывает недостаток в женихе</p> <p>человеческое пов нечеловеческое (1) (как инициальная часть сюжета) Героиня перемещается в нечеловеческое пространство, чтобы добыть средство от болезни отца или матери, и там встречает ужа</p> <p>человеческое trans нечеловеческое (1) Герой был превращен в ужа в результате проклятия</p> <p>нечеловеческое trans человеческое Уж превращается в человека, как правило, на границе человеческого и хтонического миров</p>	<p>– $\alpha_1 \beta_1^m$ Подвох, создающий условия для вредительства (убийства ужа), совершает либо мать героини, либо сама героиня</p> <p>человеческое пов нечеловеческое Братья героини (вредители) управляют на ее поиски</p> <p>нечеловеческое trans человеческое (1) Уж превращается в человека, результатом чего становится вредительство, а не создание условий для свадьбы с героиней</p> <p>нечеловеческое trans человеческое (2) Героиня, принявшая до этого змеиный облик, вновь меняет его на человеческий</p>	<p>свое (нечеловеческое, жена ужа) дом чужое (мать или отец героини, ее дети, братья) как дополнение к основному предикату сказочного финала – превращения</p>	

Продолжение табл. 3

1 Белорусские	2 человеческое поу нечеловеческое (2) Героиня посещает подводный мир накануне сватовства ужа Отсутствие предиката человеческое поу нечеловеческое Героиня вступает в брак с ужом в человеческом мире, не удаляясь в хтоническое пространство	3 (-а)β Уж запрещает героине возвратиться в человеческий мир – а,β₁ⁱ Выведывание у детей ужа информации об их отце, при этом сын не выдает вредительно этих сведений (caus → (- oper) → plus), а дочь выдает (caus → oper → min) нечеловеческое trans человеческое (рудимент) После вредительства героини (сожжение шкуры ужа) сообщается, что герой заколдован и должен три года пребывать в змеином обличье	
Русские	нечеловеческое trans человеческое Уж превращается в человека в подводном мире и по ночам человеческое поу нечеловеческое (1) (как инициальная часть сюжета) Героиня перемещается в нечеловеческое пространство	(-а)β Перед возвращением героини в человеческий мир уж запрещает выдавать о нем сведения – а,β₁ⁱ Выведывание у детей ужа информации об их отце, при этом сын не выдает вредительно этих сведений (caus → (- oper) → plus), а дочь выдает (caus → oper → min)	

Окончание табл. 3

1	2	3
Русские	<p>нечеловеческое trans человеческое Уж превращается в человека в подводном мире и по ночам</p> <p>человеческое поу нечеловеческое (1) (как инициальная часть сюжета) Героиня перемещается в нечеловеческое пространство</p>	<p>Рудимент человеческое trans нечеловеческое (1) Герой был превращен в ужа в результате проклятия</p>
Украинские	<p>человеческое trans нечеловеческое (1) Герой проклял мать и осужден по ночам принимать змеиное обличье</p> <p>человеческое trans нечеловеческое (2) Героиня превращается в змею в подводном мире (-a)β Героиня нарушает запрет не ходить купаться в реке</p>	<p>нечеловеческое trans человеческое (2) Героиня, принявшая до этого змеиный облик, вновь меняет его на человеческий</p> <p>– a, β₁ⁱ Высвядывание у детей ужа информации об их отце, при этом сын не выдает вредителю этих сведений (caus → (-oper) → plus), а дочь выдает (caus → oper → min)</p>

Обобщенная функционально-семантическая схема сказочного типа 425М «Жена ужа»*

- E ⁰	- L ⁰	- E	- L	E L
1	2	3	4	4
<p>- ten Героиня испытывает недостачу в железных (- a)β Героиня нарушает запрет не ходить купаться в реке Нечеловеческое тов человеческое Уж заготавливает на одежду героини, пока она купается в реке Либо человеческое тов нечеловеческое (1) Героиня перемещает- ся в нечеловеческое пространство и там встречает ужа $\{-a, \beta\}_m = \text{caus} \rightarrow \text{oper}$ $\rightarrow \text{min}\} = \{\alpha, \beta\}_m = \text{caus}$ $\rightarrow \text{oper} \rightarrow \text{plus}\}$</p>	<p>Нечеловеческое тов человеческое Уж является в дом девушки Человеческое тов нечеловеческое = Нечеловеческое dom человеческое Девушку уводят в хтонический мир – место обитания ужа нечеловеческое trans человеческое Уж превращается в человека на границе человеческого и хто- нического миров человеческое trans нечеловеческое Героиня превращает- ся в змею в подводном мире</p>	<p>(- a)β (1) Уж запрещает героине возвращаться в челове- ческий мир (- a)β (2) Перед возвращением героини в человеческий мир уж запрещает вы- давать о нем сведения Нечеловеческое тов человеческое Героиня возвращается домой в большинстве случаев с детьми ужа Либо человеческое тов нечеловеческое Братья героини (ере- дители) отправляются на ее поиски</p>	<p>Чужое (челове- ческое, мать, отец, братья) dom свое (нечеловеческое, муж-уж) Убийство ужа</p>	<p>Человеческое trans нечеловеческое Героиня превращает- ся в кукушку (чаще всего), а дети – в других хтонических животных или птиц Свое (нечеловеческое, жена ужа) dom чужое (мать или отец героини, ее дети, братья) как дополнение к ос- новному предикату сказочного финала – превращения</p>

* Прямым шрифтом в схеме обозначаются инвариантные элементы, а курсивом – вариативные.

Окончание табл. 4

1	2	3	4	4
<p>Уж соглашается слезть с одежды де-вухи только в обмен на обещание выйти за него замуж</p> <p>человеческое trans</p> <p>нечеловеческое</p> <p>Герой был превращен в ужа в результате проклятия</p> <p>человеческое тог</p> <p>нечеловеческое (2)</p> <p>Героиня посещает подводный мир накануне сватовства ужа</p>		<p>нечеловеческое trans человеческое (1)</p> <p>Уж превращается в человека, результатом чего становится вредительство, а не создание условий для свадьбы с героиней</p> <p>нечеловеческое trans человеческое (2)</p> <p>Героиня, принявшая до этого змеиный облик, вновь меняет его на человеческий</p> <p>Свое, родное trans чужое, неродное</p> <p>Мать, или отец, или братья задумывают убить мужа героини</p> <p>— а, в¹</p> <p>У героини или ее детей выведывается информация, необходимая для убийства ужа</p> <p>При этом сын не выдает вредителю этих сведений (caus → (- oper) → plus), а дочь выдает (caus → oper → min)</p> <p>W</p> <p>Убийство ужа</p>		

Белорусские сказки более вариативны, лабильны в рамках единой инвариантной схемы сюжета, украинские сказки в наибольшей степени тяготеют к поливариантности, русские же демонстрируют наименьшую склонность как к вариативности, так и к поливариантности и наибольшую близость к сюжетному инварианту данного типа. Сюжеты белорусских сказок о жене ужа наиболее разнообразны, русских – наиболее стереотипны, украинские же сюжеты демонстрируют тенденцию к размыванию архетипической сказочной структуры.

Обращает на себя внимание, что наиболее заметную роль в инициальной части белорусских сказок играют предикаты превращения: герой превращается в ужа в результате проклятия, перемещаясь же в хтонический мир вместе с женой, вновь обретает человеческий облик.

Сопоставление инвариантной схемы с вариациями позволяет реконструировать обобщенную схему сюжета, включающую все возможные повествовательные ходы.

Варианты сюжета 425М

В результате анализа значительного массива записей сказок 425М нами было обнаружено восемь вариантов данного сюжетного типа. Общим для них является редукция синтагматической последовательности структурных блоков: вместо схемы $(- E^0 - L^0 - E - L E L)$ утверждается $(- E - L E L)$.

Ввиду исключительности и индивидуального своеобразия вариантов мы остановимся на каждом из них подробно.

В этой сказке блок $(- E^0 - L^0)$ с его мнимым вредительством сжимается до начальной ситуации – короткой экспозиции, куда входит свадьба героини с мужем-оборотнем и перемещение в хтоническое пространство. Инициальная часть сюжета стремительно движется к вредительству, содержанием которого является доминирование чужого, т. е. в данном случае человеческого и связанного с родительской семьей, над своим, нечеловеческим (муж-уж). Естественным выражением измены героини мужу (**свое [жена] trans чужое [связанное с братьями]**) является подвох и пособничество $(- \alpha_1 \beta_1^m)$, в которых она принимает непосредственное участие. Требующей компенсации сказочной бедой $(- L)$ в данном тексте является доминирование чужого, человеческого над своим, нечеловеческим (**чужое [человеческое, братья] dom свое [нечеловеческое, муж]**). Сама же компенсация получает тоже форму доминирования, только уже мужа-змея над предательницей-женой. Реализуется оно через превращение героини в кукушку.

В данном варианте орнитологическая трансформация из самостоятельного предиката становится инструментом доминирования героя-жертвы над женой-вредителем.

Разновидностью представленного варианта является сказка «Зязюля, соловей и лягашка» из романовского «Белорусского сборника»³⁵. В ней усекаются все события, ведущие к перемещению героини из человеческого в хтонический мир, и повествование начинается с отправления героини в гости к родственникам. В остальном сюжет повторяется.

Таблица 5

Функционально-семантическая схема
сказки «Муж-уж»³⁶

– E	– L	E L
<p>Свое, человеческое тов чужое, нечеловеческое + Человеческое trans нечеловеческое Девушка выходит замуж за человека, который превращается в ужа, и они уезжают в Соколку Нечеловеческое тов человеческое Героиня и ее муж-уж едут в гости к отцу (– α) β Уж просит жену не говорить, что он превращается в ужа. Однако она открывает это братьям Свое (жена) trans чужое (связанное с братьями) (– α₁β₁^m) Братья идут вместе с сестрой, чтобы посмотреть на ее мужа, и она вызывает его W Убийство ужа</p>	<p>Чужое (человеческое, братья) dom свое (нечеловеческое, муж) Братья убивают ужа</p>	<p>Свое (нечеловеческое, муж) dom чужое (человеческое, жена) с помощью Чужое (человеческое, жена) trans свое (нечеловеческое, кукушка) Уж превращает жену в кукушку, чтобы она всегда кликала своего мужа «Купин, куку» (Купин – от купья «болото»)</p>

³⁵ Белорусский сборник. Вып. IV. Сказки космогонические и культурные. С. 166–167.

³⁶ Смирнов Ю.И. Эпика Полесья. 1978. С. 251.

Таблица 6

Функционально-семантическая схема сказки
«Зязюля, соловей и лягушка»

– E	– L	E L
<p>Нечеловеческое тов человеческое Жена ужа Якуба отправляется в гости к своим родственникам (– α) β Якуб просит жену не говорить, где она живет, с кем и кто ее муж. Однако героиня рассказывает все своим братьям. Дочка добавляет, а сын молчит Свое (жена, дети) trans чужое (связанное с братьями) (– $\alpha_1 \beta_1^m$) Братья идут провожать сестру, а она кукованием вызывает мужа W Убийство мужа-ужа</p>	<p>Чужое (человеческое, братья) dom свое (нечеловеческое, муж) Братья убивают Якуба</p>	<p>Свое (нечеловеческое, муж) dom чужое (человеческое, жена и дети) с помощью Чужое (человеческое, жена и дети) trans свое (нечеловеческое, животные) Якуб превращает жену в кукушку, дочь – в лягушку, а сына – в соловья</p>

В сказке из того же романовского сборника «Зязюля, сокол и лягушка»³⁷ представлен совершенно иной вариант.

Таблица 7

Функционально-семантическая схема сказки
«Зязюля, сокол и лягушка»

– E	– L	E L
<p>Чужое, неродное тов свое, родное Разбойники пробираются в дом Якуба, который прячется в подполе (– $\alpha_1 \beta_1^i$) Сын: (– inf) → plus Не раскрывает тайну, где находится отец Дочь: inf → min Раскрывает тайну Свое, родное trans чужое, неродное W Убийство Якуба</p>	<p>Чужое, неродное dom свое, родное Убийство Якуба</p>	<p>Свое, родное dom чужое, неродное Мать наказывает дочь-предательницу, превращая ее в лягушку Человеческое trans нечеловеческое Сын – сокол, Мать – кукушка, Дочь – лягушка.</p>

³⁷ Смирнов Ю.И. Эпика Полесья. 1978. С. 167–168.

В данном варианте мифологический элемент сказки (хтонический мир, населенный ужами-оборотнями) представлен символически: Якуб (его имя – звукоподражание кукования) не является ужом, но укрытие, которым он пользуется при нападении разбойников, – подпол – символически указывает на его хтоническую природу. Убийство героя, выражающее доминирование чужого над своим, происходит в результате предательства дочери (**свое, родное trans чужое, неродное**). Ее наказание матерью путем превращения в лягушку компенсирует недостачу «отзеркаленным» доминированием родного (жена) над неродным (дочерью-отступницей). Неизменная для данного сюжетного типа трансформация дополняет наказание дочери превращениями героини в кукушку, а ее сына – в сокола, молчаливо констатируя, что наказание вредителя не является достаточным для компенсации сказочной беды.

Таблица 8

Функционально-семантическая схема сказки
«Почему кукушка кричит ку-ку»

– E	– L	E L
<p>Чужое (неродное) тов свое (родное) Представитель другого рода входит в семью девушки</p>	<p>Свое (родное) trans чужое (неродное) Родители девушки невзлюбили своего зятя Чужое (родители) dom свое (муж) Родители убивают мужа героини, отрубая ему голову и бросая ее в торфяник</p>	<p>Человеческое trans нечеловеческое Героиня превращается в кукушку. Превращение происходит в результате магического действия – поцелуя отрубленной головы</p>

Публикуя этот текст, мы отмечали, что для него «характерна редуцированность сказочного элемента и усиление этиологизма»³⁸ при сохранении общей структуры типа 425М. Сходство с этимологической легендой подтверждается близостью данного нарратива к ее традиционной схеме: «Человек превращается в зверя/птицу/растение (по собственной воле / от горя; в результате родительского проклятия; в результате проклятия/колдовства/оборотничества; посмертно) – так появляются голубь, кукушка, лебедь, соловей, трясогузка, чайка» [Белова 2017, с. 38]. Однако сказочная структура здесь превалирует над легендарной. Принад-

³⁸ Каятди Л.Г. Указ. соч. С. 36.

лежность к типу 425М фундируется двумя обстоятельствами: 1) антиномизмом категорий своего (родного) и чужого (неродного) и 2) трансформацией как способом разрешения конфликта. Героиня выходит замуж вопреки воле родителей, и ее муж входит в родительскую семью (чужое [неродное] *тов* свое [родное]). Родители героини проникаются необъяснимой ненавистью к зятю (свое [родное] *trans* чужое [неродное]) и убивают его, отрубая ему голову и бросая ее в торфяник (чужое [родители] *dom* свое [муж]). Мотив усечения головы героя-жертвы и помещения ее в болото устанавливает хтонический, змеиный статус героя и, даже более того, в контексте всех сказок 425М позволяет трактовать его как алломорфу ужа. В народных представлениях голова ужа является сакрально отмеченной частью его тела. Согласно русским этимологическим легендам³⁹, во время потопа уж спасает Ноев ковчег, закрыв в нем пробоину своей головой, за что Господь украшает ее короной с крестом, наделяя ужа особым статусом среди змей. Убийство героя путем отрубания ему головы переключается с аналогичным способом расправы вредителей с мужем-ужом в других сказках того же типа, а следующее после этого помещение его головы в болото (торфяник) соотносится с местом обитания ужа. В качестве разрешения конфликта с родительской семьей выбирается превращение героини в кукушку в результате магического действия – поцелуя отрубленной головы мужа. Необходимо отметить, что если в рассмотренных ранее вариантах сюжета ликвидация исходной беды совершается путем доминирования над вредителем, при котором трансформация выполняет вспомогательную роль, то в данном случае очевиден совершенный отказ от наказания вредителей и компенсация беды путем, который как раз и составляет своеобразие типа 425М, т. е. превращением в кукушку (или иных животных).

Для данного варианта сюжета 425М также характерно выветривание мифологического содержания, усиление семейно-бытовой составляющей, но при этом сохранение взаимосвязи с мифологией через прозрачные аллюзии: торфяник как локус героя, магическая функция его головы, ее усечение.

Совершенно своеобразным вариантом сюжетного типа 425М, в наибольшей степени отдаляющимся от инвариантной сюжетной матрицы, необходимо признать украинскую сказку «Легенда о муже-уже» [Гура, Терновская, Толстая 1983, с. 152].

³⁹ У истоков мира: Русские этимологические сказки и легенды. С. 144–146.

Таблица 9

Функционально-семантическая схема сказки
«Легенда о муже-уже»

– E	– L	E	L
$-\alpha_1\beta_1^m = \text{caus} \rightarrow \text{oper}$ $\rightarrow \text{min}$ Уж заманивает к себе курицу словами: «Иди ко мне жить, у меня тепло» W = Свое тов чужое Курица уходит к ужу	Чужое dom свое Уж наносит вред бабушке, отнимая у нее ее любимое животное	A₁V₁ Бабушка взяла топор и, вызвав ужа из норы заклинательной формулой: «Каптур, вылазь оттуль», расскла его	Свое dom чужое Курица возвращается к бабушке

Здесь утверждается совершенно иная актанта́ная структура: протагонистом является бабушка, искомым персонажем – курица, а подлинным, а не мнимым вредителем – уж. Превращение как финальное событие сказочного нарратива здесь отсутствует даже в качестве вспомогательного средства при доминировании над вредителем.

Семантические категории своего и чужого здесь также играют основополагающую роль, однако их конкретное наполнение иное: чужим является уж, а своим – бабушка. Причем отсутствует инверсия этих категорий, которая свойственна развитию действия в 425М. Некоторая анекдотичность, создаваемая фокусом на отношениях ужа и курицы, не отменяет поучительной интенции сказки: необходимо сохранять верность родному, остерегаясь чужого.

Убийство ужа занимает в данном сюжете совершенно иное положение и выполняет совершенно другую роль, чем во всех остальных. Это убийство необходимо квалифицировать не как действие, ведущее к возникновению недостачи, а как борьбу и победу протагониста над вредителем (**A₁V₁**): расправляясь с ужом, бабушка возвращает любимую курицу к себе.

Украинская сказка «Про зозуль, посмітюх і гадюк»⁴⁰ представляет собой еще один вариант сказочного типа 425М. Как и в сказке «Зяюля, соловей и лягашка» из романовского «Белорусского сборника», здесь тоже отбрасываются все эпизоды, ведущие к перемещению героини из человеческого в хтонический мир, и повествование начинается с отправления героини вместе с мужем в гости к родственникам (**свое тов чужое**). Оборотническая природа героя и героини обнаруживается в процессе этого перемещения: при переправе через реку они превращаются в ужа и кукушку. Предательство детей ($-\alpha_1\beta_1^i$) способствует осуществлению вредитель-

⁴⁰ Легенды и предания. С. 82–83.

ства – убийства отцом героини ее мужа-ужа. В отличие от других вариантов и в согласии со смоленской сказкой «Почему кукушка кричит ку-ку» здесь отсутствует ликвидация исходной беды путем доминирования над вредителем, при котором трансформация выполняет вспомогательную роль. Ответом на убийство мужа отцом становится смена природы с человеческой на животную, как всегда в 425М.

Таблица 10

Функционально-семантическая схема сказки
«Про зозуль, посмітюх і гадюк»

– E	– L	E L
<p>Свое тов чужое Героиня и ее муж отправляются с двумя детьми в гости к ее отцу Человеческое trans нечеловеческое По пути, чтобы перейти реку, муж превращает жену в кукушку, и она переносит детей на своих крыльях, а сам оборачивается ужом и переплывает реку – α, β_1^i Отец выведывает у детей ужа, кто их отец. Они выдают его: caus → oper → min Свое, родное trans чужое, неродное Отец становится враждебным по отношению к мужу дочери W Отец убивает мужа дочери</p>	<p>Чужое (человеческое, отец) dom свое (нечеловеческое, муж-уж)</p>	<p>Человеческое trans нечеловеческое Героиня превращается в кукушку, сына превращает в гадюку, а дочь – в жаворонка (посмітюху)</p>

В сказке о жене ужа из кулишовского сборника⁴¹ блок нулевой недостачи (– E^0 – L^0) сжимается до одного сюжетно значимого действия – перемещения героини в хтоническое пространство, место обитания своего мужа-ужа (**человеческое тов нечеловеческое**). Возвращение героини (**нечеловеческое тов человеческое**) мотивируется рождением детей с человеческим, а не змеиным обликом и необходимостью их крестить. Известие о возвращении дочери с детьми ужа превращает мать героини во вредителя (**свое (родное) trans чужое (неродное)**), который хочет убить свою дочь и внуков (**чужое (мать) dom свое (жена ужа)**). Финальное превращение героини и ее детей становится средством спасения от антагониста (L_3).

⁴¹ Записки о Южной Руси / Сост. И. Кулиш. Т. 2. СПб.: Тип. А. Яковсона, 1857. С. 33–34.

Таблица 11

Функционально-семантическая схема
«Рассказов о превращениях. Близнецы превращаются
в соловья и кукушку»

–E	–L	E L
<p>Человеческое пов нечеловеческое Героиня влюбляется в ужа и уходит с ним под землю, в хрустальный дворец</p> <p>Нечеловеческое пов человеческое После рождения детей в человеческом облике героиня отправляется в человеческий мир, чтобы крестить их</p> <p>Свое (родное) trans чужое (неродное) Мать хочет убить героиню</p>	<p>Чужое (мать) dom свое (жена ужа)</p>	<p>Свое (человеческое) trans чужое (нечеловеческое) Героиня превращается в крапиву, ее сын – в соловья, а ее дочь – в кукушку, чтобы спастись от смерти (L₃)</p>

Инициальная часть украинской сказки «Кукушка» из сборника Драгоманова⁴² формально повторяет начало сюжетного инварианта. По логике сюжета брак с девушкой, как форма доминирования нечеловеческого над человеческим, должен завершиться перемещением в хтоническое пространство (под воду, в лес, на болото), однако особенность данного варианта в том и состоит, что инерция сюжетного развития здесь обрывается и перемещения в подводный мир не происходит. Сказочной бедой (– L), которую компенсирует финальное превращение, становится отчуждение героини от мужа-ужа (**свое (родное) trans чужое (неродное)**). И с помощью смены ее человеческой природы на животную совершается наказание жены за предательство мужа.

Таблица 12

Функционально-семантическая схема сказки «Кукушка»

– E	– L	E L
<p>Нечеловеческое пов человеческое Уж заползает на платье героини во время ее купания в реке</p> <p>$\{-\alpha, \beta_1^m = \text{caus} \rightarrow \text{oper} \rightarrow \text{min}\} = \{\alpha, \beta_1^m = \text{caus} \rightarrow \text{oper} \rightarrow \text{plus}\}$</p> <p>Уж соглашается слезть с одежды девушки только в обмен на обещание выйти за него замуж</p>	<p>Нечеловеческое dom человеческое Девушка вступает в брак с ужом, но не уходит в его мир</p> <p>Свое (родное) trans чужое (неродное) Жена ужа отказывается отправляться за мужем в подводный мир</p>	<p>Свое, нечеловеческое dom чужое, человеческое с помощью</p> <p>Чужое, человеческое trans свое, нечеловеческое Муж-уж прокликает жену за непослушание. Девушка превращается в кукушку, становясь вдовой по своей вине</p>

⁴² Малорусские народные предания и рассказы. С. 8–9.

*Финальное превращение
как мифологическая медиация*

Последняя и самая интригующая проблема, которую мы должны осветить, – почему финальное зооантропоморфное превращение нужно считать компенсацией инициальной сказочной беды?

Здесь в первую очередь следует отдавать себе отчет, в кого превращаются действующие лица сказки. Из 43 проанализированных нами текстов в одном отсутствует концовка⁴³, в другом⁴⁴ отсутствует превращение (завистливые сестры топят жену ужа в колодец, тот хоронит ее и уходит из деревни). Контекст сказки позволяет увидеть в утоплении в колодце героини рудиментарный осколок мотива превращения: девушка умирает, погруженная в воду, тем самым демонстрируя смену природы с человеческой на нечеловеческую, поскольку с водой связан уж и встречает его героиня, отправившись за водой для больной матери). Еще в одном тексте⁴⁵ превращение особенное, выбивающееся из ряда остальных: после того как братья-вредители сжигают шкуру ужа, лишая его возможности вновь стать человеком, он превращается в дуб, а его жена – в березу. Характер превращения меняется с орнитологического на дендрологический, что заставляет увидеть влияние прибалтийской традиции: “Si dans des dizaines de versions slaves, la veuve et ses enfants deviennent des oiseaux et des reptiles, dans les versions russes de Lituanie et les versions biélorusses collectées dans les régions limitrophes avec la Lituanie et la Pologne, les membres de la famille du serpent assassiné deviennent des arbres, exactement comme dans le conte lituanien”⁴⁶ [Kabakova 2018, p. 164].

В 40 текстах с зооантропоморфным превращением вырисовывается довольно четкая картина. Жена ужа превращается в кукушку 31 раз, два раза – в крапиву и один раз – в лягушку, в шести случаях превращение героини отсутствует, но оно сопровождается пятикратным превращением в кукушку ее дочери. Сын героини в подавляющем большинстве случаев превращается в соловья (21 раз), по два раза – в голубя и сокола, по одному – в жука-рогача,

⁴³ Смирнов Ю.И. Эпика Полесья (по записям 1977 г. Ч. 1). 1986. С. 248.

⁴⁴ Там же. С. 249–250.

⁴⁵ Смирнов Ю.И. Эпика Полесья (по записям 1976 г.). 1984. С. 208–209.

⁴⁶ «Если в десятках славянских версий вдова и ее дети становятся птицами и рептилиями, то в русскоязычных текстах из Литвы и белорусских текстах, собранных в регионе польско-литовского пограничья, члены семьи убитого змея становятся деревьями, в точности как в литовской сказке».

лягушку, рыбу, рака, лебедя, гадюку. В восьми текстах превращение сына героини отсутствует. Дочь героини чаще всего превращается в кукушку (8 раз) и в ласточку (7), по четыре раза – в лягушку и гадюку, по одному – в ворону, стрекозу, жаворонка, трясогузку, подкрапивницу, лебедя и крапиву.

Триада «кукушка (мать), ласточка (дочь), соловей (сын)» является, таким образом, наиболее частотной. В цельном виде она появляется в пяти сказках.

Присутствие этих птиц и рептилий в финальном превращении абсолютно неслучайно. Оно непосредственно связано со специфической компенсацией сказочной беды в данном типе сказок.

В сказках о жене ужа ликвидация исходной беды не происходит напрямую, путем убийства вредителя или воскрешения мужа. Героиня ликвидирует недостачу непрямым образом, действием, несимметрично противоположным действию антагониста. Другими словами, в финале сказке действует логика бриколажа, описанная Клодом Леви-Строссом [Леви-Стросс 2011, с. 260–267], а неизменное конечное превращение есть мифологическая медиация.

В данном случае логика бриколажа реализуется в два этапа: первый – подготовительный, второй – основной. Вместо ликвидации антагониста происходит инверсия оппозиции «свой, человеческий – чужой, нечеловеческий», на которой строится сюжет о жене ужа. Первоначально своим является то, что связано с человеческим миром и родительской семьей, а чужим – то, что связано с нечеловеческим миром и мужем. Превращение совершается как реакция на то, что теперь связанное с человеческим и родительской семьей становится чужим, а связанное с нечеловеческим миром и мужем – своим. Героиня и ее дети становятся существами животного мира, тем самым демонстрируя, что свое для них – это животное, а не человеческое. Этот момент был отмечен Г.И. Кабаковой. Но его констатация не исчерпывает процесс медиации.

В рамках инвертированной оппозиции «свой (связанный с нечеловеческим и мужем) – чужой (связанный с человеческим и матерью)» формируется (и это второй момент медиации) новая оппозиция, целиком уместяющаяся в сфере своего, нечеловеческого и снимающая первоначальную, – «кукушка (верх, жизнь, вдова) – уж (низ, смерть, убитый муж)». Характер этой оппозиции совершенно отличен от первоначальной оппозиции «свой – чужой». Здесь нет той противоположности между членами, которая порождает непримиримый антагонизм, его место занимают антиномические отношения, при которых отдельные члены не две самостоятельные сущности, а два момента единой сущности. Можно сказать и так: между членами новой оппозиции царит не закон разделения, а закон единства противоположностей.

Вот это снятие оппозиции «свой – чужой», из-за которой, собственно, в сказке и нагнетается напряжение, выливающееся в убийство тещей нелюбимого и чуждого ей зятя, – это снятие и реализует логику бриколажа и является компенсацией убийства мужа. Таким образом, дочь торжествует над матерью, не причиняя ей непосредственно вреда, и одновременно воссоединяется с мужем.

На то, что это воссоединение происходит, указывает мифология животных, задействованных в финальном превращении. Мифологическая семантика животных наполняет конкретикой выведенную нами медиативную оппозицию «кукушка (верх, жизнь, вдова) – уж (низ, смерть, убитый муж)».

Комплекс народных представлений о кукушке указывает на то, что она сама по себе, не только специально в сюжете 425М, является медиатором, посредником между верхом и низом, между миром живых и миром мертвых [Никитина 2002, с. 60–70].

Очевидно, что, будучи птицей, кукушка связана с верхним миром, но, по народным представлениям, зимует кукушка в воде или под землей [Гура 1997, с. 699]. Движение кукушки осенью является нисходящим, с неба в подземное пространство. Примечательно, что накануне зимы, на Воздвижение (14/27 сентября), змеи движутся в противоположном направлении, из-под земли к небу: “Paradoxalement, la destinée des reptiles s'avère intimement liée à celle des oiseaux: avant de disparaître pour les six mois qui suivent, ils essaient de s'approcher du ciel comme s'ils espéraient pouvoir s'envoler” [Kabakova 2007]. Взаимно направленное движение кукушки и змеи перекликается с финальной сказочной оппозицией и подтверждает ее медиальный статус: разные направления движения кукушки и змеи создают различие между ними, но его направление друг к другу фиксирует их тождество. Примечательно также, что, по народным представлениям, змеи и кукушки появляются весной одновременно, что тоже указывает на их родство [Гура 1997, с. 709].

Кукушка – посредник между миром живых и миром мертвых. Это отражено в обычае *голосить с кукушкой*, т. е. уходить в лес и там причитать, оплакивая умершего [Никитина 2002, с. 129]. Кукушка подлетает к такой женщине, ей сообщают вести для умершего [Гура 1997, с. 707]. Кукушка – душа умершего, которая посещает мир живых [Никитина 2002, с. 127]. Душа вылетает из тела в виде кукушки или сизого голубя. В виде кукушки прилетает к жениху умершая до брака невеста [Гура 1997, с. 706–707].

На единство жизни и смерти в фольклорном образе кукушки указывает также время прекращения ее кукования. Это происходит во время появления хлебного колоса, когда умершее в земле зерно приносит плод.

Пограничный, медиальный статус кукушки удостоверяет также представление о том, что она первая возвращается из вырея, т. е. приносит весну, и первая отправляется туда, т. е. знаменует приход зимы.

В народно-мифологических представлениях о ласточке также явственно проступает ее медиальная природа. «В символике ласточки сочетается небесное и хтоническое начало. Ласточка связана с солнцем: в южнославянских легендах она выступает в роли спасительницы солнца и его невесты. Солярная символика проявляется также в поверьях о солнечных ожогах и веснушках, вызванных нарушением запрета причинять вред ласточке <...>» [Гура 1997, с. 633]. О хтонической символике «свидетельствуют поверья, что ласточки зимуют на дне водоемов, зарываясь в ил или грязь, либо в земле под полом конюшен» [Гура 1997, с. 633].

Ласточка является дочерью кукушки (отсюда родственная кукушке календарно-мифологическая функция ласточки – приносить весну, первой возвращаясь из вырея). Она приносит из-за моря золотые ключи, которыми отмыкает лето и замыкает зиму [Гура 1997, с. 623–624].

С гадами связь ласточки амбивалентная: она противница змей, но форма ее хвоста (т. е. ее отличительная особенность) обязана действию змеи, которая кусает ее за хвост и вырывает перья; кроме того, ласточки способны превращаться в лягушек.

Появление ласточек весной связано с идеей воскресения, победой жизни над смертью [Гура 1997, с. 629].

Народная мифология сохранила также указания на медиальность соловья. Она проявляется в связи соловья с переходными временными периодами – началом и концом весны. Начало пения соловья, как и начало кукования кукушки, связано с появлением первой зелени, когда можно напиться росы с березового листа. Конец весны ознаменован окончанием пения соловья и кукования кукушки. Соловей и кукушка замолкают в Петров день (12 июля, конец периода, связанного с летним солнцестоянием). Проводы весны маркируются обрядом с «соловушкой» и «похоронами кукушки». Примечателен образ соловья в свадебных песнях. Там он символизирует жениха и мужа во время первой брачной ночи, т. е. перехода из статуса жениха в статус мужа [Гура 1997, с. 640–644].

В свете народно-мифологических представлений превращение в двух сказках героини в крапиву является неслучайным. В крапиве прячется кукушка после Петрова дня от других птиц, которые мстят ей за то, что она подбрасывала в их гнезда свои яйца. Можно сказать, что крапива – метонимический растительный субститут кукушки.

Выводы

Сюжет 425М «Жена ужа», вопреки мнению Е.А. Костюхина, является безусловно сказочным повествованием. Для множества восточнославянских сюжетов характерна единая инвариантная схема, которая сохраняется в многочисленных вариациях и трансформируется в варианты сюжета, скрепленные одним устоем – финальным орнитологическим превращением.

Структуралистский анализ позволяет утверждать, что сюжет 425М «Жена ужа» следует относить не к волшебной, а к новеллистической сказке, поскольку в нем отсутствует предварительное испытание, которое венчается обретением волшебного помощника. Именно наличие предварительного испытания и его оппозиция испытанию основному является, по мнению Мелетинского, самым существенным признаком волшебной сказки [Структура 2001, с. 17, 19]. В «Жене ужа» появляется только два синтагматических сюжетных блока – действия, ведущие к беде, и действия, ведущие к компенсации беды. Тут уместно вспомнить тезис Костюхина о балладном, народно-новеллистическом характере сказочного типа 425М.

Особенностью этого семейно-бытового сказочного сюжета становится, однако, мифологический элемент. Он привносит с собой логику бриколажа и делает финальное орнитологическое превращение героини и ее детей медиацией, разрешающей семейно-бытовой конфликт не с помощью доминирования над вредителем, но с помощью создания новой семантико-мифологической оппозиции: «кукушка – уж», наполнением которой становится пространственная оппозиция «верх – низ», экзистенциальная – «жизнь – смерть» и семейная – «вдова – умерший супруг». Заменяя исходную сказочную оппозицию своего и чужого, эта оппозиция разрешает сказочный конфликт асимметричным образом.

Благодарности

Автор выражает благодарность Ольге Владиславовне Беловой за ценные советы, высказанные в процессе работы над статьей, и предоставленные архивные материалы, а также Варваре Евгеньевне Добровольской за важные критические замечания и библиографические указания.

Acknowledgements

The author expresses sincere gratitude to Olga Vladislavovna Belova for her valuable advice in the course of work upon this article and provided archive materials and to Varvara Evgenyevna Dobrovol'skaya for important critique and bibliographical recommendations.

Список сокращений

АЛФ – Архив лаборатории фольклористики РГГУ

СУС – Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост. Л.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.П. Кабашников, Н.В. Новиков. Л., 1979. 437 с.

Архивные материалы

АЛФ РГГУ. Сюжет 425М, г. Чериков Могилевской обл., 2014; зап. Е. Боганева, Н. Савина, Н. Петров.

Литература

Белова 2017 – *Белова О.В.* Животные в русских этиологических легендах: превращения и трансформации // *Живая старина*. 2017. № 3. С. 38–40.

Гура 1997 – *Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 910 с.

Гура, Терновская, Толстая 1983 – *Гура А.В., Терновская О.А., Толстая С.М.* Материалы к полесскому этнолингвистическому атласу // *Полесский этнолингвистический сборник: Материалы и исследования*. М.: Наука, 1983. С. 49–153.

Каяниди 2017 – *Каяниди Л.Г.* Восточнославянские сказки о превращениях: семиотические, нарративные и жанровые парадоксы // *Вестник славянских культур*. 2017. № 46. С. 135–147.

Костюхин 1987 – *Костюхин Е.А.* Типы и формы животного эпоса. М.: Наука, 1987. 269 с.

Костюхин 1997 – *Костюхин Е.А.* Сказки, которые плохо кончаются // *Живая старина*. 1997. № 4. С. 15–18.

Леви-Стросс 2011 – *Леви-Стросс К.* Структурная антропология. М.: АСТ-Астрель, 2011. 541 с.

Мелетинский, Неклюдов, Новик, Сегал 1969 – *Мелетинский Е.М., Неклюдов С.Ю., Новик Е.С., Сегал Д.М.* Проблемы структурного описания волшебной сказки // *Труды по знаковым системам, IV*. Тарту, 1969. С. 86–135.

Никитина 2002 – *Никитина А.В.* Кукушка в славянском фольклоре. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2002. 176 с.

Структура 2001 – *Структура волшебной сказки*. М.: РГГУ, 2001. 234 с.

Kabakova 2007 – *Kabakova G.* Le mari-serpent ou Pourquoi le coucou coucoule // *Eurasie: Oiseaux: Héros et devins*. 2007. № 17. P. 127–142.

- Kabakova 2018 – *Kabakova G.* Le projet du dictionnaire de motifs et de contes-types étiologiques chez les Slaves orientaux // *Revue des études slaves: Communications de la délégation française au XVI Congrès international des slavistes*. Belgrad, 20–27 août 2018, 99. Paris: Institut d'études slaves, 2018. P. 155–168.
- Leonardas Sauka 2007 – *Leonardas Sauka.* Pastangos švelninti kūrinį: pasakos „Eglė žalčių karalienė“ periferiniai variantai // *Tautosakos darbai*. 2007. Vol. 33. P. 45–55.

References

- Belova, O.V. (2017), “Animals in Russian etiological legends: Shapeshifting and transformations”, *Living antiquity*, no. 3, pp. 38–40.
- Gura, A.V. (1997), *Simvolika zhivotnykh v slavyanskoi narodnoi traditsii* [Animal symbolism in Slavic folk tradition], Indrik, Moscow, Russia.
- Gura, A.V., Ternovskaja, O.A. and Tolstaja, S.M. (1983), “Materials for the Polesie Ethnolinguistic Atlas”, in Tolstoi, N.I. (ed.), *Polesskii etnolingvističeskii sbornik: Materialy i issledovaniya* [Polesie ethnolinguistic collection: Materials and studies], Nauka, Moscow, Russia, pp. 49–153.
- Kabakova, G. (2007), “Le mari-serpent ou Pourquoi le coucou coucoule”, *Eurasie: Oiseaux: Héros et devins*, no. 17, pp. 127–142.
- Kabakova, G. (2018), “Le projet du dictionnaire de motifs et de contes-types étiologiques chez les Slaves orientaux”, *Revue des études slaves: Communications de la délégation française au XVI Congrès international des slavistes*, Belgrad, Serbia, 20–27 août 2018, Institut d'études slaves, Paris, pp. 155–168.
- Kajanidi, L.G. (2017), “East Slavic tales of transformations: Semiotic, narrative and genre paradoxes”, *Bulletin of Slavic cultures*, no. 46, pp. 135–147.
- Kostyukhin, E.A. (1987), *Tipy i formy zhivotnogo eposa* [Types and forms of animal epic], Nauka, Moscow, Russia.
- Kostyukhin, E.A. (1997), “Fairy tales that end badly”, *Living antiquity*, no. 4, pp. 15–18.
- Levi-Stross, K. (2011), *Strukturnaya antropologiya* [Structural anthropology], AST-Astrel', Moscow, Russia.
- Meletinskij, E.M., Neklyudov, S.Yu., Novik, E.S. and Segal, D.M. (1969), “Issues of the structural description of a fairy tale”, *Trudy po znakovym sistemam* [Works on the sign systems], IV, Tartu, USSR, pp. 86–135.
- Neklyudov, S.Yu. (ed.) (2001), *Struktura volshebnoi skazki* [The structure of fairy tale], RSUH, Moscow, Russia.
- Nikitina, A.V. (2002), *Kukushka v slavyanskom fol'klore* [The cuckoo in Slavic folklore], Filologičeskii fakul'tet SPbGU, St. Petersburg, Russia.
- Sauka, Leonardas (2007), “Pastangos švelninti kūrinį: pasakos „Eglė žalčių karalienė“ periferiniai variantai”, *Tautosakos darbai*, vol. 33, pp. 45–55.

Информация об авторе

Леонид Г. Каяниди, кандидат филологических наук, Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия; 214000, Россия, Смоленск, ул. Пржевальского, д. 4; *leonideas@bk.ru*

Information about the author

Leonid G. Kayanidi, Cand. of Sci. (Philology), Smolensk State University, Smolensk, Russia; bld. 4, Przhevalsky Str., Moscow, Russia, 214000; *leonideas@bk.ru*